

Борис Тончаров

Эпизоды на фоне
СССР 1936-58гг

Книга 1 Детство

Борис ГОНЧАРОВ

Эпизоды на фоне СССР 1936-58

гг. Триптих. Книга 1. Детство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41296748

SelfPub; 2022

Аннотация

Маленькая повесть о жизни мальчика – первый эпизод: от четырёх до семи. 1936-43 г.г. До войны в селе Пришиб и городе Калаче, во время войны – в городе Новохопёрске, в оккупации в Сталиногорске и деревне Юдино, после освобождения – в Сталиногорске. Иллюстрации – автора. Фон обложки – Supra (лицензия CC0).

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Калач	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Борис ГОНЧАРОВ

Эпизоды на фоне СССР

1936-58 гг. Триптих.

Книга 1. Детство

Предисловие

Маленькая повесть о мальчике Саше.

Эпизоды детства в родном Сталиногорске и на родине родителей: в городе Калач и деревне Юдино. О судьбе папы и мамы Саши, о 17-и дневной оккупации Сталиногорска и Юдино немцами в декабре 1941 года и об освобождении в результате битвы за Москву, о восстановлении разрушенного ...

Жизнь – эпизоды, и жизнь – эпизод.

Глава 1. Калач

Раннее детство Саше не очень помнилось. По свидетельству метрики и рассказу мамы он родился в 10 часов, погожим утром 5 декабря 1936 года. Доктор, осмотрев родившегося ребёнка, сказал:

– Ну, товарищ Сторова, сколько я принимал детей, но с таким сердцем, как у Вашего, не припоминаю. Изумительная чистота биения.

Это не мешало, впрочем, в детстве Саше часто и тяжело болеть. А ещё, как в кино Саша видел светлую комнату, где они жили, кровать и на ней – себя.

Был недоволен – возможно, обязанностью делить со старшим братом коробку с цветными карандашами, бывшую предметом периодических раздоров братьев, потому сказал с серьёзным видом, обращаясь к обоим родителям, но дуясь на брата, который с наслаждением раскрашивал цветными карандашами картинки в папиной книге:

– Вот заболею – будете тогда знать...

Летом, в отпуск Григория Ивановича – Сашкиного папы – и во главе с ним Сторовы всей семьёй традиционно отправлялись к родителям Григория Ивановича в Калач Воронеж-

ской области, а Сашка – так с весны и на всё лето.

Город утопал в зелени садов, среди которых ярко горели золотом огромные головы подсолнухов. Для Сашки это всегда было самым весёлым временем в году. И дедушке с бабушкой нравился простой и непосредственный (в отличие от старшего – Левона, как они его называли) младший из братьев. Тем не менее, как только в очередной приезд Сашок появлялся в калачеевской избе, дед Иван внушительно изрекал, добродушно, однако, глядя на улыбающуюся физиономию внука:

– Щоб я вид тЭбэ ни якой шкоды нэ бачив. Чуешь?..

Говорилось это не напрасно. Деятельная детская натура Сашки так и искала приключений. Но на дедушкину тираду он тут же кивал с готовностью, мол, «чую», выражая лицом наивную невинность.

Калач – типичный для старой России провинциальный городок, в нём и теперь ещё сохранились купеческого стиля дома и городская церковь с пирамидальным куполом. Вокруг города в радиусе 10-15 км организовались т.н. «хутора» крестьян, отличные от деревень центральной России. Совсем недалеко от города расположилась на взгорье деревенька Пришиб.

По легенде название закрепилось после того, как здесь была пришиблена насмерть старушка, свалившимся откуда-то бревном. За деревней начинались невысокие меловые горы, покрытые скудной растительностью, перемежающейся мелкими рощицами. Под деревней протекала река с задернованными берегами. Пейзаж дополняли и оформляли сады – обязательная принадлежность каждого жителя Пришиба. А из этой массы зелени летом выглядывали белёные известью, с соломенными крышами хаты крестьян-колхозников с жёлтыми головами подсолнухов на огородах.

С незапамятного времени в Пришибе пошёл род Сторо-

вых. До революции здесь жил с семьёй, известный всей округе, силач Кузьма Сторов. Но огромная физическая сила не помогла ему выбиться из нужды. Умер Кузьма от язвы желудка в 50-и летнем возрасте. Его сын Иван оказался счастливее: для его детей – их было девять, и его самого – началась после 1917 года новая жизнь. Отгремела Гражданская война, в которой принимал участие старший сын Ивана, Григорий, в 1919 году, 14-и летним подростком подвозил снаряды на позиции Красной Армии.

Разгромили и прогнали интервентов, и Григорий пошёл учиться. Знание грамоты и напряжённый труд помогли ему закончить механический институт, и он поехал на работу в Тулу, на оружейный завод. Отец Григория оставался на родине, работать в колхозе. В Туле молодой специалист познакомился с девушкой Машей.

Скоро они поженились.

Дело житейское: Маше настало время рожать, она очень хотела девочку. Родила, но мальчика, назвали Сашей. Однако, первый опыт оказался горьким: ребёнок во младенчестве умер. В 1932 году у Маши и Григория Сторовых родился сын – Лев, а в 1936 (после переезда семьи в Сталиногорск) – Саша.

Говорят, не следует давать имя умершего ребёнка другому – плохая примета. Однако, назвали: может не знали, может сочли предрассудком.

Григорий Иванович был человек практический, что обусловливалось крестьянским происхождением – да ещё из «хохлов» – некоторое время разводил кроликов. Собрал лучшие с белым мехом, сам их выделал (работа эта была адски тяжёлая), а Мария Семёновна создала из них шубку и капор. Вот в этом белоснежном одеянии Сашка и прибыл весной в Калач в сопровождении папы. Старший брат к вящему Сашкиному удовольствию не удостоился по какой-то причине провести это лето в Калаче, а остался с мамой в Сталиногорске.

Выслушав от дедушки традиционное: – Щоб я вид тЭбэ... и т.д., Сашка попал в ласковые бабушкины руки. Та, подхватив внука, со слезами умиления на глазах – какой большой

стал, повела в горницу, чтобы с дороги добре накормить его варениками.

Спать Сашке предстояло на лежанке печи, где всегда сушили яблоки, груши, сливы и всевозможные лекарственные травы, и потому с установившейся вокруг лежанки атмосферой садов, обильно одобрённых южным солнцем.

После приезда Сашка весь был в хлопотах, и дни вприпрыжку бежали за днями... Вначале он слезал с лежанки, когда просыпался. И с удивлением видел, что дедушка уже прилаживает зубья к деревянным самодельным граблям или заканчивает отделку топорища, или плетёт из лозы вершу – это уже непосредственно для внука. А бабушка с порозовевшим лицом в это время хлопотала, ставя и вынимая рогачом бесконечные чугуночки и чугуны, кувшины и кувшинчики в арочное отверстие русской печи. Сашка потому и просыпался, что ему становилось жарко от топившейся печи.

В один из дней по приезду ненаглядного внука бабушка, облачив его в белоснежную шубку и капор – утренники были ещё прохладными да и сыро – позволила ему погулять во дворе – разумеется после того, как он поел блинов и выпил молока.

Сашке нравилось гулять в одиночестве. Выйдя на крыльцо, он внимательно осмотрел соседние дворы, видневшиеся вдаль горы с меловыми просветами и бабушкин сад, уже наливавшийся весенней силой. За огородом и садом, спускав-

шимся по взгорью, была река, по поводу которой дед и плёл внуку верши и готовил удочки. Наконец, Сашкин взгляд, описав окружность, вернулся во двор. Перед домом рос молодой вяз, летом всегда обвитый хмелем, который делился с ним своим запахом. В сторону сада, также у дома расположилась «кошара» – небольшой сарайчик под соломенной крышей – место пребывания коровы-кормилицы. Тут же, у плетня были ясли – закуток, тоже отгороженный плетнём, куда бабушка, встретив вечером корову из стада, набрасывала свежей травы или сена. Между кошарой и домом на небольшом взгорке был построен погреб, где она хранила всевозможные припасы: молоко всех видов, огурцы, помидоры, капусту, яблоки, варенья – соленья и всякую всячину. Напротив кошары стоял сарайчик с сеном для коровы и рядом – ещё открытый стожок. Отметив в уме, что особых катаклизмов с прошлого его приезда во дворе не произошло, Сашка, уже было направившись к калитке на улицу, вдруг обнаружил поразившую его новость: около погреба образовалась замечательная и просторная лужа (почти как в гоголевском Миргороде, и будто специально к его приезду – «такая совпадения»). Лужа сразу же затмила в его воображении даже вольницу улицы, и естественно, что он немедленно направился к ней. Подойдя поближе и заглянув в неё, он увидел в зеркале воды на фоне голубого неба маленького мальчика в шубке и капоре с большими глазами и вздёрнутым – «кнопкой» – носиком. Это как будто было похоже на его

портрет, но Сашка усомнился, и для проверки слегка топнул ботиком по луже – изображение исчезло, потом появилось вновь, всё дрожащее рябью. И автора эксперимента эти изменения чрезвычайно заинтересовали и понравились. Он решительно вошёл в середину лужи и, подпрыгнув, сколько позволяло всемирное тяготение, обоими ботиками топнул одновременно. Мириады брызг разлетелись вверх и в разные стороны, сверкая на весеннем солнце радугой. Это неожиданно-прекрасное зрелище так заорожило Сашку, что он принялся подпрыгивать с возможной быстротой, чтоб сохранить непрерывность картины, и, прищулив глаза, засмеялся, повизгивая от радости и счастья...

В апогее Сашкиной эйфории, выбежавшая на крыльцо бабушка, ахнув, с ужасом увидела, что всё белоснежное в недалёком прошлом облачение внука мокро и приобрело серо-грязный цвет, поднятой со дна лужи грязью.

Незадачливый молодой «капитан Немо» был немедленно доставлен обратно на кухню и посажен на скамью рядом с дедом, извещённым тут же бабушкой о вселенской беде и ошарашенным то ли недейственностью своего: «Щоб я вид тЭбэ ни якої шкоды...», то ли лицемерием дорогого внука, позволившего себе такую непоследовательность. Ни дедушка, ни бабушка – надо сказать – никогда не воздействовали на Сашку физически, но только морально. Вот и теперь: оба стали сосредоточенно демонстрировать свою крайнюю

занятость чем-то, но не внуком – как бы не замечая исследователя водных глубин. Сашка проникся и хмурой сосредоточенностью деда, и последующими бабушкиными «охами», которые демонстрировали её страх перед возможной – после утреннего холодного душа из лужи – весенней простудой «экспериментатора» и был искренне огорчён: даже сиявшее в окна солнышко уже не казалось ему таким ярким и весёлым... Просидев в задумчивости «на скамье подсудимых» около часа (что Сашка едва смог вынести при его подвижном характере), после того, как его ступни натёрли какой-то пахучей жидкостью и засунули их в шерстяные носки домашней вязки и видя, что шубка и капор подсыхают и принимают почти прежний вид, а бабушка как будто не только отошла от недавнего потрясения, но вроде бы и «забыла» об этом, что позволяло надеяться на помилование, преступник и он же потерпевший счёл возможным обратиться к деду, как к собрату по мужскому сословию:

– Дедуска – ласково и невинно, но с неким всё же «водным» подтекстом, заёрзал он на лавке – сделай мне, позалуста, палаходик... «Дедуска» сначала с подозрением посмотрел на Сашку, изображавшего лицом раскаявшегося грешника, и глазами как бы напоминая, подзабытое дедом, обстоятельство, что тот тоже был маленьким когда-то, затем, возможно вспомнив это самое, давно прошедшее «обстоятельство», ответил:

– Ладно, зробилю. Тилько, дывись, шоб бильш того ни бу-

ло. Як будэшь сЭбэ гарно вэсты, вОзьму на ричку – рыбу ловити...

Сашка впал в трансцендентальное состояние – это было не только прощение, это было счастье. Сказал же один известный писатель, что, когда, наконец, приходит то, что ты очень ждал, то это всегда кажется неожиданностью. Коротко говоря, Сашка испытал примерно ту же эйфорию, которая была с ним в середине лужи. После слов деда на кухню опять вернулось солнце, а Сашка решил начать новую, праведную жизнь и вести себя «гарно», чтобы попасть-таки с дедушкой на рыбалку. Изо всех сил стараясь унять свою неуёмность, он теперь все свои задумки претворял в жизнь только после согласования с бабушкой и получив её одобрение. Сидя рядом с дедушкой и подавая тому прутики для корзин и верши или крючки для удочек, Сашка крепился и стойчески переносил «все трудности и лишения воинской службы», т.е. статичность своего теперешнего существования.

Надо заметить, что дед Иван был мастер «от скуки – на все руки». Он почти всё делал сам. С сыновьями и с помощью колхоза построил дом и дворовые постройки, колодец с «журавлём», сам делал грабли, черенки для вил, косьё, корзины для сбора урожая и т.д. и т.п. Сашку это восхищало, и он был уверен, что дедушка «может всё» (особенно летом тот был всемогущ), и потому по детски наивно уважал деда, даже не понимая этого. После злополучного происшествия

— драматически закончившегося не научного эксперимента с исследованием лужи, Сашка пристрастился и больше не пускался в авантюры, чреватые непредсказуемыми последствиями. Большую часть дня он проводил теперь с бабушкой или дедушкой, которая очаровала его впечатлительное сознание знанием множества народных сказок. Ещё надо сказать, что бабушка всегда и всё делала тихо и незаметно, и казалось, домашние дела делаются сами собой. Но внучок не очень-то вдавался в подробности ведения натурального хозяйства, а с нетерпением ждал лета — основного времени своих походов, и в ожидании обещанной рыбалки. Притом, что с наступлением тепла во дворе, на большом пне для рубки дров должен был опять появляться знакомый дрозд, избравший этот пенёк в качестве места для вокализа. Событие появления дрозда было для бывшего исследователя лужи почти священным: он настоятельно просил и дедушку, и бабушку быть внимательными и осторожными в это время. Дрозд появлялся ярким солнечным днём, усаживался на пень поудобнее и начинал издавать звуки не совсем похожие на пение, но приводившие впечатлительного Сашку в восторг. А оперение птицы — в общем-то не богатое — не могло подвергаться никакой критике и являлось шедевром для зрителя и слушателя.

И лето пришло. Без дополнительного объявления, как поднимается занавес в театре. Сначала дедушка стал реже бывать дома (Сашка уже знал, что тот теперь больше занят

в колхозе), потом бабушка стала выводить корову в стадо – луга зазеленели сочной травой. Улица огласилась гомоном высыпавших из хат ребятишек, а сады и крыши – птичьим щебетаньем. В один из дней наступившего лета, когда дедушки не было дома, а бабушка как всегда хлопотала по хозяйству, Сашка отправился на улицу к своим деревенским товарищам, которые встретили его дружными криком и визгом, т.к. он был из Сталиногорска, который хотя и находился примерно в 200-х километрах от Москвы, но Сашку считали москвичом, что априори придавало ему определённый авторитет среди ровесников. Тем не менее, он скромно-положительно отвечал на приглашения сверстников посетить с визитом их дворы, где в каждом обнаруживал что-нибудь новое и досконально изучал с помощью пригласивших.

Из деревенского периода жизни у Сашки остались воспоминания сияющего южного дня, зелени садов, раскрытые шапки подсолнухов и белёные известью хаты под соломенными крышами. Да, лето наступило. Скоро должны были приехать родители и старший брат. А пока Сашка деятельно готовился к рыболовному сезону.

По вечерам, как только корова возвращалась из стада и появлялась в кошаре, Сашка, где бы он ни находился, бегом бежал с кружкой к бабушке. Это была порция молока, которую он получал в начале вечерней дойки. И бабушка была довольна, что внук так пристрастился к свежему, ещё тёпло-

му домашнему молоку – притом, что через некоторое время таких визитов в кошару он заметно пополнил и как бы даже подрос. Ещё Сашке понравилось встречать вместе с бабушкой из стада их корову. Стадо появлялось в конце улицы, со стороны выгона. Коровы заглядывали по ходу во дворы в ожидании встречи с хозяевами. Впереди всегда шествовал огромный чёрный бык. Сашка считал его опытным и порядочным существом, т.к. одного рога у быка уже не было, что с уважением отмечал наблюдательный мальчуган.

Однажды утром, не совсем проснувшись, Сашка услышал необыкновенно знакомый женский голос в разговоре с бабушкой. Это был родной голос его мамы. Она услышала, что он завозился на лежанке, и подошла поближе:

– Пополнел-то как. Прямо бутуз...

«Бутуз» предпочёл пока не просыпаться и из любопытства послушать разговор взрослых. Подошла бабушка и сказала:

– Маша, не буди – смотри как сладко спит.

Сашка постарался ничем не выдать себя, но как только явно проснулся, сразу попал в объятия мамы, папы, и смущённо обнялся с братом. Пока бабушка готовила завтрак, Григорий Иванович завёл патефон, и все стали слушать: «Горы Кавказские», «Чилита», «Во поле берёзонька стояла»...

– Ну, как он, не озорничал, слушался? – Спросил Григорий Иванович своих родителей. Дедушка, как человек прямой, уже раскрыл было рот, памятуя «шкоды», не однажды произведённые дорогим внуком, но Сашка такими преданными и ангельскими глазами посмотрел на него, что дед крякнул и снисходительно сообщил:

– Та ничОго. Тильки воду дуже любит. – После такой нейтральной и даже как бы положительной аттестации Сашка воспрянул духом и сразу после завтрака отправился с братом на улицу. Там, при поддержке ещё одного «москвича» он продолжал свои похождения...

Вскоре приехал Василий Иванович, дядя Вася – один из братьев Григория Ивановича. Два брата устроили небольшое «совещание в Филях»:

– Насчёт дров у мамы слабо – сообщил Григорий Иванович.

– Что, совсем нет? – Уточнил Василий.

– Да есть – только большие брёвна. Надо бы их подтащить поближе во двор и распилить. Упомянутые брёвна переволокли от изгороди со стороны улицы к кошаре, ближе к «дроздову пню».

В это время Сашка успел поссориться с братом, который, спекулируя на 4-х летнем превосходстве, решил посягнуть на уличный авторитет Сашки. В результате обструкции младшего Лев ушёл, оставив родственную конкуренцию, смотреть, как работают отец и дядя.

– Отойди, не мотайся под ногами – в сердцах послали его и здесь, но он не ушёл – на свою беду. Когда отец и дядя перетаскивали самое толстое бревно и подходили к люку погреба, Лёва оказался-таки «под ногами». Дядя Вася споткнулся о люк, не увидев его из-за бревна, бревно дёрнулось, а Григорий Иванович от неожиданного рывка не смог удержать его на плече, и оно сорвалось вниз, на подоспевшего Льва...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.